

Коробенкова, Н. Это забыть нельзя [Об Иванове И.А.] / Н. Коробенкова. – Текст: непосредственный // Бичурский хлебороб. – 1996. – 17 окт. (№ 70). – С. 3.

Это забыть нельзя

Не помню, кто сказал: «Времена не выбирают — в них живут и умирают». Не выбирал время и Иван Анисимович Иванов.

Когда прогремел залп «Авроры», ему было два года. Пришли новые времена, и родители Ивана Иванова, Анисим Федорович и Прасковья Калистратовна, вступили в бичурский колхоз «Сталинский путь». Поредела к тому времени семья. А было их когда-то шестеро братьев и две сестры. В гражданскую войну убит на читинском разъезде 17-летний Кузьма, взятый под ружье семеновцами. Убит ими же при попытке побега. Старшему брату, Савелию, побег удался. А в годы Отечественной войны пригодятся на солдатской службе на востоке немолодые уже Минай и Венедикт Анисимовичи.

Ивану Анисимовичу достался Западный фронт. Вот что он поведал мне в неторопливой беседе о своем времени и о себе.

«До войны я, как и все, работал в колхозе. Шибко не платили, но хлеб давали. Жили дружно и весело. По вечерам молодежь собиралась в клубе. Клуб (это было тогда новое слово) — шестистенный крестьянский дом. На стенах — антирелигиозные плакаты, призывы учиться в ликбезе. Тогда же увидели мы первое кино, немое, без звука. Работали все, где придется, в том числе на лесозаготовки отправляли в Читинскую область.

28 июля сорокового года призвали нас в армию. Три ЗИСа новобранцев погрузили у военкомата, что был в центре Бичуры в белом каменном доме, бывшем магазине купцов Ивановых. Подобрали девять возрастов, до 1911 года рождения, всех, у кого были отсрочки от службы: учителей, милиционеров. Обстановка была уже напряженная.

Доставили нас эшелоном из Улан-Удэ на так называемую Вторую речку, военный городок под Владивостоком. Оттуда на станцию Бамбурово Хасанского района. В ноябре приняли присягу и продолжили службу в составе 42-го запасного стрелкового полка. Были учения, строили оборонительные сооружения, так как рядом была граница с Кореей, занятой тогда Японией. Вскоре полк расформировали, и я попал в 40-ю дивизию близ города Краскино того же Хасанского района. В тех местах до нас заключенные строили стратегическую железную дорогу до залива. Нас туда. Недалеко зона. Но нам не разрешали общаться. Зеков куда-то вскоре перевели, и на их пепелище остались мы. Новая расформировка, и я оказался в 131-м стрелковом полку.

Жилье мазанки: плетень заплели, глиной обмазали, крыши камышом покрыли. Служи, солдат. Кухня сложена из дерна. Видимо, спешно придвинули нас сюда, поближе к границе. На такую массу народа жилья не рассчитали. Уже чувствовалось, что война будет. Политруки выступают, призывают подтянуть дисциплину, быть бдительными.

Третьего мая сорок первого года дали нам зимнее (правда, поношенное) обмундирование: суконные гимнастерки, диагональные брюки взамен х/б, ботинки, обмотки, шинели и голубые суконные же шлемы с подшлемниками. Ушанок еще не было. Наш эшелон тронулся на запад, навстречу войне. Были со мной и земляки, например, ныне здравствующий Василий Карпович Ефимов. Ехали быстро: зеленая улица была открыта. Первая большая остановка на ст. Овруч. Потом Игнатполь. Здесь в лесу стояло уже несколько пехотных дивизий в т. ч. наши полки 15-й, 25-й 30-й. Влили нас в часть, где служили кадровые и переменный состав (те, кого брали на переподготовку). Тысячи солдат. Позже узнали: только мы снялись с этого места (не знаю, все ли), немцы с самолетов сравнивали лагерь с землей.

17 мая нам объявили, что начинаются учения. Трое суток идем, минуя старую польскую границу. Так, на марше, в пути, нас застала война. Первых немцев я увидел так. Мы еще в обороне стояли, и наткнулась на нас немецкая разведка. Офицера убили, а солдат — он в нашей форме, и, как мы, стриженный (немцы своих солдат не стригли наголо) — так вот солдат этот и рванул к своим. А мы его приняли за нашего. Кричим: «Ты куда, дурень? Убьют!»

Мы не стреляем, и немцы не стреляют. Повезло ему. А с убитого офицера плащ-палатку сдернули, — под ней зеленая немецкая форма. Так я увидел первого мертвого и живого немца на войне.

Первый бой не был внезапным для нас. Мы не первые удар приняли. Впереди нас держали оборону полки нашей дивизии. Как сейчас вижу: низменное место, выше — шоссе. Идем березовым леском. Позади Шепетовка. А командиры наши, как на свадьбе, по трассе едут. И разведку, видимо, вперед не послали. Артиллерия немецкая и ухнула. Командира полка, что верхом ехал, убили, пушку «сорокапятку» и обоз разбили. Но нас было много, а у немцев пехоты близко не было, и мы потеснили их. Вооружение наше — винтовка самозарядная, 10 или 15 патронов в обойме, забыл, потом эти винтовки сняли с вооружения: заклинивало часто.

Все, что было потом, слилось в один сплошной бой. Растрепали наши полки. Не успевали соединять остатки. Командиры новые. И почему так делали?» Вот, например, на пути большое село. Приказ — занять, выбить фашистов. Мы днем, в открытую, повалим, как бараны. Тактика одна — вперед! Хитрости военной не было, что ли? Самое обидное: возьмем

населенный пункт (с жертвами большими), а тут приказ — отступить. Вопросов, почему и зачем не задавали. Стратегам виднее. А солдатское дело выполнять приказ. Выходили из одного окружения и попадали в другое. Однажды остатки наших полков погрузили на открытые платформы и по узкоколейке на юг, на прорыв... Взошло солнце. Едем по мелкому лесочку. Перед деревней заняли оборону. Да поздно: мы уже были в кольце. Окружили нас возле Казенной Горки. Командир убит. Вел замполит. С нами танкетка. Кругом болота. Вышли на сушу, на гребешок, а немец по нам из артиллерии. Многие, на этом взлобчике остались. Сунулись опять в болото. Поглядел бы кто со стороны на нас. Вылезешь, весь в тине, как селезень зеленый. В другое время друг над другом посмеялись бы. Но тут не до смеха.

Они нас из миномета. Разбились на маленькие группы. Деревни обходили, оголодали и оборвались. Нас было 5 человек, сборный народ: с Украины и из Сибири. Пробивались к своим. Обычно шли ночью, днем скрывались. А тут сморило нас. Ночь, темень, дождь, в деревню не сунешься — везде немцы. Прикорнули, а они нас под утро и взяли. Прочесывали местность вдоль и поперек, как неводом рыбу ловили.

Штыками согнали в две машины и в Шепетовку, стоя. В Шепетовке и был первый лагерь-временка. Загнали в брошенные дома, харч не давали. Не помню, сколько продержали тут. Потом откуда-то позеленевший хлеб привезли, и начались мытарства. Вывезли нас в город Холм, а там и в Польшу. Холодно. Октябрь-ноябрь на дворе. Мы в одних гимнастерках. Со мной был наш не то посельский, не то слободской парень Паньков. Здоровый, молодой, Мы с ним из одной банки ели. Когда нас в лагерь в Германию везли, говорили: бросьте все, там все дадут. Кто свою баночку бросил, тот ни с чем остался, так у нас осталась одна бабочка на двоих. У моего земляка откуда-то зипунные штаны были. Мы ими вдвоем укрывались, как могли. Потерялись потом, развели по разным лагерям. После войны я с ним не встретился. В Польше сами строили себе жильё, балаганы из досок. В затылок по одному, по сторонам конвой и заставили доски со станции таскать. Еда — болтушка, баночка на сутки. А потом и на работу перестали гонять. Сидим. Нас, наверно, тысяч сто. Колонной вели по городу — хвоста не видать. А мы только продуктовые магазины и видели. В витринах — всякой еды. Если кто гражданский вздумает бросить нам что, прикладом хлещут. Нас здесь в польском лагере не сортировали. Все нации вместе были. Только командиры отдельно. Мы видели, каких вели. Они в формах, ремни при них, но погонов нету. Ждем своей участи: чё будет, смерть ли, жизнь ли, и вот набили нас битком в эшелон, дальше повезли. Сесть нельзя, некуда. И сознание потеряешь, да не упадёшь.

Привезли на новое место. Мелкий лесок вырублен. Одни кирпичные туалеты настроены. Лагеря, собственно, не было. Холодно. Тут начали умирать повально. В песок зароешься, а все равно холодно. Еда — одна брюква пареная, Это был 308-й лагерь военнопленных. Начались обыски. А что у нас искать? Евреев здесь отделили. Раздели всех нас донага и осматривали каждого.

— Юде? — и прикладом из строя.

Шел декабрь. Он хоть и не как у нас в Сибири, но декабрь же! Кто к стенке туалета прикорнет, к солнышку, того часовые с вышки, как снайперы, снимут. Унижали почем зря. Никто не надеялся выжить. Ослабли. Счет дням потеряли. Я помнил только, что попались мы 28 августа. Крепкий был до того, а тут тоже силы оставили. Но нам повезло. Перевели наш лагерь в Австрию, в горы. Там зима настоящая, со снегом. Но и лагерь получше. Здесь до нас были французы. Нас на их место. Тут первый раз дали хлеба, жилье — балаганы из досок. Охрана — немцы и австрийцы. Продержали нас тут в 317-м лагере и вглубь Австрии повели, в город Шпигель. Дали старые австрийские шинели, рубашки, штаны починенные — кому что досталось. Оклеямили нас белой масляной краской (на штанах и на спине две буквы — СВ, означающие «советский»). Растолкали по бывшим немецким военным казармам. Двухъярусные пары. Та же брюква.

Дошел я тут при росте 178 до 42 килограммов. Откуда вес свой знал? Взвешивали нас время от времени. Зачем, спрашивается? Следили, при каком истощении человек сдохнет? Да еще прибавить холод и болезни. В санчасть как-то завели на осмотр, а многие тут же попадали: отвыкли от тепла.

Народ начал гибнуть как мухи. Пара конная повозка (труповозка) без роздыху работала. Увозили наших солдат голых, как ободранных зайцев. Ездовые набросают 30-40 трупов и за ворота. Нас пытались гонять закапывать могилы. Но вскоре мы не то лопату — сами себя на ногах держать не могли. Приспособились так. Наполнится траншея, рядом начинаем новую копать, а ту забрасывать. Какого народу здесь погубило, не сосчитать.

Н. КОРОБЕНКОВА.

Окончание следует.